

Эмили Бронте

Грозовой Перевал

Эмили Бронте

Грозовой Перевал

Главная романтическая книга всех времен, ставшая эталоном английской классической литературы и завоевавшая любовь миллионов читателей по всему миру.

Легендарная история о всепобеждающей силе любви, над которой не властны ни старость, ни забвение. Впрочем, как и над бессмертным шедевром Эмили Бронте.

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-7098-5

A decorative border of black and white line art flowers and leaves surrounds the text. The flowers have multiple petals and long stems with small buds. The leaves are simple, oval-shaped.

Эмили Бронте

Грозовой Перевал

ХАРЬКОВ 2020 КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
Б88

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод с английского *Натальи Роговой*

Дизайнер обложки *Владлен Трубчанинов*

ISBN 978-617-12-7098-5

© DepositPhotos / yaviki, об-
ложка, 2020
© Книжный Клуб «Клуб Се-
мейного Досуга», издание
на русском языке и худо-
жественное оформление,
2020

Глава 1

Год 1801. — Только что я вернулся от своего хозяина. Он — единственный мой сосед, который может нарушить мое одиночество. Какое тут восхитительное место! Где еще в Англии найдешь уголок, столь далекий от светской суеты — настоящий рай для мизантропа! А мы с мистером Хитклифом — прекрасная пара, чтобы разделить между собой все прелести уединения. Чудесный человек! Он и представить себе не мог, что я сразу же почувствовал к нему симпатию. Ведь его черные глаза метнули в меня из-под темных бровей подозрительный взгляд и рука решительно спряталась за отворот сюртука, когда я представился.

— Мистер Хитклиф? — спросил я.

Ответом мне был кивок.

— Позвольте представиться, я — мистер Локвуд, ваш новый жилец. Почел за честь поспешить к вам с визитом сразу по прибытии. Надеюсь, что не причинил вам неудобств своим настойчивым желанием поселиться в усадьбе «Скворцы». Вчера я услышал, что у вас были другие планы...

— Усадьба «Скворцы» — моя собственность, сэр, — прервал он меня, неодобрительно морщась. — Неудобств я бы не потерпел ни от кого, уж можете быть в этом уверены. Впрочем — заходите!

Свое «заходите» он произнес сквозь стиснутые зубы, как будто бы хотел сказать «Убирайтесь к черту!», а ворота, на которые он опирался, не отворились по его слову. Только особые обстоятельства заставили меня принять столь негостеприимное приглашение: меня крайне заинтересовал человек, еще менее расположенный к общению, чем я сам.

Увидев, что мой конь грудью пошел на ворота, он все же размотал закрывающую их цепь и пошел впереди меня по мощеной дорожке, небрежно бросив в пространство, когда

мы оказались во дворе: «Джозеф, прими лошадь у мистера Локвуда. И вина принеси...»

«Видимо, слуга в доме только один, — подумалось мне в ответ на столь пространное приказание. — Не удивительно, что между каменными плитами двора растет трава, а живую изгородь явно стрижет только один садовник — скот».

Джозеф оказался пожилым, нет, я бы даже сказал, очень старым человеком, но здоровым и жилистым. «Господи, помоги!» — неодобрительно пробормотал он, принимая поводы и помогая мне спешиться. При этом он посмотрел мне в лицо с таким кислым видом, словно божья помощь нужна была старику, дабы переварить недавний обед, а не чтобы отвратить незваного гостя.

Жилище мистера Хитклифа носит название «Грозовой Перевал». «Грозовой» — словечко местное и как нельзя лучше передает капризы ненастной погоды, хозяйничающей на этих холмах. Сейчас здесь дышалось привольно, но по наклону чахлах елей, растущих у дома, и по тому, как тянулся к солнцу тощий терновник, словно нищий, выпрашивающий милостыню, можно было только догадываться, как сильно задувает временами из-за края утеса северный ветер. К счастью, архитектор учел здешние условия, утопив узкие окна в стену и защитив выступы углов мощной каменной кладкой.

Перед тем как переступить порог, я замешкался, восхитившись причудливо украшенным фасадом. Особенно пышно выглядел главный вход, над которым меж осыпающихся грифонов и нескромных амурчиков я увидел дату «1500» и имя «Гэртон Эрншо». В любом другом случае я бы не преминул выказать вежливый интерес и попросить своего угрюмого хозяина поделиться со мной краткой историей прежних владельцев, но нетерпеливая поза, в которой он замер у дверей, лучше всяких слов сказала мне, что либо я тотчас переступлю порог, либо должен буду немедленно покинуть сии

негостеприимные владения и никогда не проникну в святая святых этого дома.

Поднявшись на одну ступеньку, мы сразу оказались в общей комнате, потому что в доме не было ни коридора, ни прихожей. Местные называют такую комнату *залой*. Обычно *зала* объединяет гостиную и кухню, но в Грозовом Перевале кухню, похоже, перенесли в заднюю часть дома. По крайней мере, до слуха моего донесся приглушенный расстоянием разговор и стук кухонной утвари. В огромном камине, находившемся в *зале*, не было никаких следов того, что здесь недавно жарили, варили или пекли; стены не украшали ни начищенные медные сковородки, ни отдраенные жестяные сита. Впрочем, в одном углу ярким светом сияли ряды огромных оловянных блюд, серебряных кувшинов и кружек, возвышавшихся в огромном дубовом буфете и дальше на полках по стене до самой крыши. Крыша открывала пытливому взору всю свою неприглядную изнанку, кроме тех мест, где стропила и балки несли на себе запас овсяных лепешек¹, а также связок говяжьих, бараньих и свиных окороков. Над камином были развешены давно не чищенные старые ружья и пара седельных пистолетов. Картину дополняли пестрые жестяные чайницы на каминной полке. Пол был выложен белыми ровными каменными плитами. На нем крепко стояли грубые стулья с высокими спинками, выкрашенные в зеленый цвет, а в тени притаилась пара темных тяжелых кресел. В нише под буфетом возлежала крупная сука пойнтера красно-пегого окраса с выводком повизгивающих щенят. Другие собаки притаились по углам и в укромных местах *залы*.

¹ Традиционные овсяные лепешки в Северной Англии и Шотландии готовились про запас. Лепешки пекли достаточно большого размера, но раскатывали очень тонко. Полусырыми их развешивали, как бельё, на специальных шестах или всех подходящих приспособлениях для сушки.

И дом, и мебель лучше всего подошли бы домовитому фермеру из северных графств — молодцу с упрямым лицом, в штанах до колен и с крепкими икрами, обтянутыми гетрами. Зайдите в любой дом в пяти-шести милях вокруг, и вы увидите такого местного жителя в кресле у круглого столика, украшенного пенной кружкой эля, если сподобитесь застать хозяина дома после обеда. Однако же облик мистера Хитклифа являл резкий контраст окружающим его предметам обихода. Скажем так, что по виду он — настоящий цыган, смуглый и темноликий, а по одежде и манерам — джентльмен, если можно назвать джентльменом иного сельского сквайра. Одет он небрежно, но не выглядит затрапезно, потому что одежда эта облегает осанистую и стройную фигуру. И еще одно бросается в глаза: он мрачен. Кое-кто мог бы заподозрить его в нелепой гордыне, свойственной выскочкам, но он не таков — я уверен в этом, потому что чувствую в нем родственную душу. Мне кажется, его сдержанность идет от нежелания показывать любые свои чувства, даже взаимную и разделенную привязанность. Он будет и любить, и ненавидеть тайно, он сочтет непростительной дерзостью открытое проявление этих чувств по отношению к себе. Нет, нет, здесь я должен остановиться. Слишком много своих черт я приписываю этому человеку. У мистера Хитклифа могут быть собственные резоны не подавать руки тем, кто слишком навязчиво желал бы с ним познакомиться. Мой же склад характера, я надеюсь, неповторим: не зря моя бедная матушка частенько говаривала, что никогда мне не создать уютного семейного очага. Не далее как этим летом я доказал, что она была права.

Я наслаждался месяцем прекрасной погоды на одном из морских курортов, где мне повстречалась необыкновенно привлекательная юная леди: в моих глазах она была просто богиней до тех пор, пока не обращала на меня внимания.

«Любовь моя была нема», но если б глаза мои могли говорить, любой человек отнюдь не семи пядей во лбу понял бы, что я влюблен в милую девушку по уши. И вот наконец, когда она решила, что разгадала мои чувства и принялась бросать мне в ответ самые нежные взгляды, что же сделал ваш покорный слуга? Со стыдом признаюсь, что я спрятался в свою скорлупу, как улитка, становясь все холоднее и отдаляясь от предмета своих воздыханий все дальше до тех пор, пока бедняжка не усомнилась в том, правильно ли она поняла меня, и, сгорая со стыда от возможной ошибки, убедила свою мать немедленно покинуть курорт. Из-за такого странного охлаждения чувств я стяжал репутацию бессердечного и расчетливого человека, и только сам я мог судить, насколько она была мною не заслужена.

Я сел у очага с противоположной стороны от хозяина и попытался заполнить повисшее между нами молчание, приласкав мать собачьего семейства, которая по-волчьи подкрадывалась ко мне сзади. Собака щерилась и готова была впиться мне в ногу своими белыми зубами. На мою ласку она ответила долгим, низким ворчанием.

— Лучше б вы ее не трогали, — в унисон своей псине проворчал мистер Хитклиф, предотвратив ее более опасные действия крепким пинком. — Нечего ее портить. Это вам не комнатная собачка. — Он шагнул к боковой двери и вновь прокричал: «Джозеф!»

Джозеф пробормотал что-то невнятное из глубин погребя, но так и не явился на зов, заставив своего хозяина спуститься к нему. Я остался с глазу на глаз со злобной сукой и парой кудлатых свирепых овчарок, которые ревностно следили за любым моим движением. Мне совсем не хотелось испытать на себе остроту их клыков, поэтому я сидел тихо. Потом, на свою беду решив, что звери не поймут бессловесных насмешек, я принялся подмигивать грозной

троице и страшно гримасничать. Одна из моих ужимок настолько взбесила мадам Пойнтершу, что она с яростью кинулась на меня, вознамерившись цапнуть за колено. Я отбросил негодницу и попытался защититься столом. От этих действий затаившаяся свора пришла в движение: полдюжины четвероногих дьяволов всех размеров и возрастов выскочили из своих укрытий и объединились против меня. Особенно привлекательными казались им мои пятки и полы сюртука. Защищаясь по мере сил кочергой от самых крупных противников, я принужден был громко воззвать к обитателям дома, чтобы восстановить мир.

Мистер Хитклиф и его слуга поднимались по лестнице из погреба с огорчительной неспешностью: ни на секунду не убыстрили они свои движения, несмотря на настоящее побоище, разыгравшееся у очага, сопровождавшееся визгом и прыжками своры. К счастью, спасение пришло из кухни. Ядреная бабенка с подоткнутым подолом, засученными рукавами и щеками, горящими от жара кухонного очага, смело ворвалась в самую гущу драки и, размахивая раскаленной сковородкой и ругаясь на чем свет стоит, чудесным образом успокоила разразившуюся бурю. Поле битвы осталось за отважной кухаркой, и только грудь ее вздымалась, подобно морю после шторма, когда наконец-то появился хозяин.

— Что, черт побери, здесь происходит? — спросил он, сверля меня взглядом, который я с трудом мог выносить после столь негостеприимного приема.

— И вы еще, черт побери, спрашиваете?! — взорвался я. — Да в одержимых дьяволом евангельских свиньях¹ зло-

¹ В Евангелии от Матфея описывается эпизод изгнания Иисусом Христом бесов из двух бесноватых. Изгоняемые бесы попросили у Иисуса разрешения переселиться в стадо свиней, пасшихся рядом. «И Он сказал им: идите. И они, выйдя, пошли в стадо свиное. И вот все стадо свиней бросилось с крутизны в море и погибло в воде». (Матфея 8:32)

нравия наверняка было меньше, чем в ваших чудовищах, сэр. С таким же успехом вы могли бросить своего гостя на растерзание тиграм.

— Не трогайте их, и они вас не тронут, — спокойно отвечал Хитклиф, восстанавливая порядок на столе и ставя передо мной бутылку вина. — Собаки *должны* охранять, на то они и собаки. Выпейте-ка лучше вина.

— Нет, благодарю вас.

— Не покусали вас?

— Если б покусали, я бы хорошенько проучил их. Пусть только сунутся... — Хитклиф неожиданно усмехнулся в ответ на мои слова.

— Да успокойтесь вы, мистер Локвуд, а то сейчас закипите. Подкрепитесь вином, я настаиваю. Гости в этом доме — такая редкость, что ни я, ни мои драгоценные собачки не знают, как их положено принимать. Ваше здоровье, сэр!

«И ваше!» — поклонился я в ответ, понимая, что было бы глупо продолжать дуться из-за недостойного поведения неразумных животных. Кроме того, мне не хотелось давать моему хозяину повод продолжать веселиться за мой счет, раз уж на него напал такой стих. Он, — видимо решив, что негоже обижать выгодного жильца, — заговорил полюбезнее и не так отрывисто, как раньше, перейдя к теме, которая, как он считал, меня заинтересует, и начал вполне здраво рассуждать о хороших и дурных сторонах места моего нынешнего уединения. Разговор он вел вполне разумно, и перед тем, как откланяться, я отважился упомянуть о моем возможном завтрашнем визите. По всему чувствовалось, что Хитклиф не в восторге от этой перспективы. Но я твердо решил: обязательно завтра приду. Удивительно, но по сравнению с этим мрачным типом я сам себе кажусь общительным и дружелюбным.

Глава 2

На следующий день к полудню стало холодно и опустился туман. Я уже почти решил провести остаток дня у камина в кабинете, вместо того, чтобы тащиться по грязным вересковым пустошам на Грозовой Перевал. Но после обеда (а обедаю я здесь между полуднем и часом дня. Моя экономка — почтенная женщина, доставшаяся мне вместе с домом, — не поняла или не захотела понять мою просьбу подавать обед в пять¹), когда я поднимался по лестнице с намерением предаться послеобеденной лени, в моей комнате обнаружилась служанка, стоявшая на коленях в окружении щеток и ведерок для угля. Девчонка подняла невообразимую пыль, вывалив в камин тлеющие угли. Это зрелище тотчас заставило меня покинуть кабинет. Я взял шляпу и после четырехмильной прогулки оказался у ворот в сад Хитклифа как раз в тот момент, когда с неба начали падать первые пушистые хлопья снега.

Землю на этой продуваемой всеми ветрами вершине холма сковал гололед, а воздух был так холоден, что я задрожал всем телом. Не в силах справиться с цепью на воротах, я перемахнул через них и взбежал вверх к дому по мощенной плитами дорожке между неряшливыми кустами крыжовника. Я тщетно стучал в дверь до тех пор, пока у меня не заболели костяшки пальцев, а собаки внутри не подняли вой.

«Будь проклят этот дом со всеми обитателями! — мысленно выругался я. — В одиночную камеру такую грубую деревянницу надо отправлять. Я бы ни за что не стал держать

¹ До XVII в. в Англии было принято называть полуденный прием пищи, обед — dinner, позже это слово в высших слоях общества стало применяться к более позднему приему пищи или к праздничному застолью. Локвуд не уверен, то ли йоркширская экономка не поняла столичного словоупотребления, то ли не стала менять привычного распорядка.

днем дверь на запоре. Раз они так со мной, то теперь уж я обязательно войду!» Приободрившись от этой мысли, я с новыми силами затряс дверной засов. Из круглого окна амбара показалась кислая физиономия Джозефа.

— Чего вам надобно? Чего стучите? — заорал он. — Тут хозяина нетути. В овчарне он, где ж ему еще быть. Ступайте вокруг амбара, ежели поговорить с ним хотите.

— А что, в доме нет никого, чтобы мне дверь открыть? — в тон ему прокричал я.

— В доме ни души, окромя миссис. А уж она-то вам не откроет, хоть до ночи колотитесь.

— Это почему же? Не мог бы ты доложить ей обо мне, Джозеф?

— Не-а. Я с ней дел не имею, — и голова Джозефа исчезла.

Снег теперь уже валил густыми хлопьями. Я уцепился за дверную ручку, чтобы предпринять еще одну отчаянную попытку, когда во дворе позади меня появился парень без верхней одежды, но с вилами на плече. Он махнул рукой, чтобы я следовал за ним. Мы прошли через прачечную, миновали мощный участок двора с угольным сараем, колдцем и голубятней и наконец вошли в теплую и уютную залу, где меня принимали вчера. Ее освещал огонь, ярко пылавший в очаге и питаемый углем, торфом и дровами. А рядом со столом, накрытым для обильной вечерней трапезы, сидела та, кого Джозеф назвал «миссис» и о чьем существовании я раньше и не подозревал. Я поклонился, радуясь новому знакомству, и замер, ожидая, когда мне предложат сесть. Она смотрела на меня в упор, откинувшись в кресле и не произнося ни слова.

— Плохая погода нынче, — попробовал я завязать беседу. — Боюсь, миссис Хитклиф, от небрежения ваших слуг дверь немного пострадала. Мне пришлось потрудиться, чтобы быть услышанным.

Ответа не последовало. Я уставился на нее — она на меня. Она глядела холодно и без всякого интереса, но от этого неподвижного взгляда мне стало не по себе.

— Садитесь, — буркнул приведший меня парень. — Хозяин скоро будет.

Я подчинился, потом откашлялся и подозвал злодейку пойнтершу Юону. При нашей второй встрече она даже соизволила пошевелить самым кончиком хвоста, признавая во мне знакомого.

— Красивая собака! — вновь попытался я завязать разговор. — Собираетесь ли продавать щенков, мадам?

— Они не мои, — отвечала хозяйка таким недружелюбным тоном, каким заговорил бы сам Хитклиф.

— Ну, тогда ваши любимцы здесь? — продолжал я, показывая на подстилку в темном углу, где, как мне показалось, лежали котята.

— Станный выбор любимцев! — был мне презрительный ответ.

Приглядевшись, я понял, что сморозил глупость, потому что в углу были навалены битые кролики. Еще раз откашлявшись, я подвинулся поближе к очагу и вновь повторил свое замечание о плохой погоде этим вечером.

— Так сидели бы дома, — отвечала миссис Хитклиф, вставая и пытаясь дотянуться до двух ярких чайниц на каминной полке высоко над очагом.

Теперь она оказалась на свету, и я смог лучше рассмотреть ее лицо и фигуру. Она была стройной и совсем юной, почти совсем еще девочка, но имеющая восхитительные формы и точеное, нежное личико, очаровательней которого я не встречал, с мелкими чертами и очень белой кожей. Льняные кудри отливали чистым золотом и свободно вились по стройной шее. Глаза ее, если бы смотрели чуть поласковей, сразу брали бы любое сердце в плен. К счастью для моей влюбчи-

вой природы, единственным их выражением было презрение и какое-то невыразимое отчаянье, какое редко встретишь у молодой девушки. Ей было трудно дотянуться до чайницы, и я сделал движение, чтобы помочь ей. Ответом мне был такой взгляд через плечо, как будто бы я попытался украсть у скупца его сокровище.

— Не нужна мне ваша помощь! — огрызнулась девушка. — Сама справлюсь.

— Прошу меня простить, — поспешил ответить я.

— Вас приглашали к чаю? — резко спросила она, появившаяся передник поверх аккуратного черного платья и замесив с ложкой заварки над чайником.

— Я бы с радостью выпил чашечку.

— Вас приглашали? — настойчиво повторила она.

— Нет, — признал я с полуулыбкой. — Но вы можете сделать это прямо сейчас.

Она резко поставила чайницу на место, не потрудившись вытащить ложку, и вновь опустилась в кресло с мрачным видом, наморщив лоб и выпятив нижнюю алую губку, как капризный ребенок.

Меж тем парень накинул на плечи старое пальто и, стоя во весь рост у камина, смотрел на меня искоса и враждебно, словно между нами была давняя и непримиримая распря. Я начал сомневаться в том, слуга ли передо мной. По грубой одежде и речи его никак нельзя было причислить к ровне мистера и миссис Хитклиф. Давно не стриженная буйная шевелюра свободно кудрявилась, щеки заросли бакенбардами, а руки были черны от въевшейся грязи, как у простого работника. Но манеры его были слишком свободными для слуги, даже в чем-то надменными. Не чувствовалось в нем ни почтения, ни услужливости перед хозяйкой дома. Не зная, с кем имею дело, я счел за лучшее не обращать внимания на его странное поведение. Буквально через пять минут приход

Хитклифа до некоторой степени освободил меня от моего неопределенного состояния.

— Вот видите, сэр, я пришел, как и обещал, — воскликнул я, стараясь держаться веселого тона, — правда, теперь, боюсь, мне придется просидеть у вас не менее получаса, коли вы дадите мне приют. На улицу совсем не выйти.

— Полчаса! — с сомнением покачал головой Хитклиф, скидывая хлопья снега с одежды. — Понесло же вас бродить в самый снегопад. Вы могли просто-напросто заблудиться на болотах. В такие вечера даже те, кто здесь вырос, могут сбиться с пути. И сейчас нет никаких надежд, что скоро распогодится.

— Может быть, дадите мне провожатого из числа ваших работников и он заночует в «Скворцах»? Как вы на это смотрите?

— Нет, это исключено.

— Неужели? Ну, тогда мне придется положиться на собственные силы.

Хитклиф с сомнением хмыкнул.

— Так мы будем пить чай? — резко поменял он тему, обращаясь к парню в поношенной куртке, переводя свой недобрый взгляд с меня на молодую леди.

— А он тоже будет? — спросила та у Хитклифа.

— Подавайте же на стол! — Ответ был столь груб, что меня передернуло. Тон, которым были произнесены эти слова, изобличал злой от природы нрав. Мне уже не хотелось называть Хитклифа чудесным человеком. Когда же все приготовления были закончены, от него в качестве приглашения я услышал только: «Придвигайте-ка ваш стул к столу, сэр». Все мы, включая парня, которого я вначале принял за работника, расселись и принялись за чаепитие в ледяном молчании.

Я подумал, что, если неловкость возникла из-за меня, моя первейшая обязанность — постараться ее сгладить. Не может

быть, чтобы эти люди каждый день сидели за общим столом в мрачной тишине и чтобы хмурость вовсе не сходила с их лиц.

— Странно, — начал я, быстро выпив первую чашку чая и ожидая вторую, — насколько привычка меняет наши вкусы и мировоззрение. Многие и помыслить себе не могут, что счастье возможно в таком полном удалении от мира, какого придерживаетесь вы, мистер Хитклиф. Здесь, в кругу семьи, с вашей прекрасной половиной, вашим добрым гением, осеменяющим ваш дом...

— С прекрасной половиной?! — прервал меня Хитклиф с почти дьявольской ухмылкой. — Где же вы ее увидели?

— Ну, я имел в виду миссис Хитклиф, вашу жену...

— Вы намекаете на то, что ее дух заделался ангелом-хранителем Грозового Перевала, хоть тело ее покоится и не здесь?

Поняв, что ошибся, я попытался исправить свою оплошность. Я просто должен был увидеть огромную разницу в возрасте между теми, кого я посчитал мужем и женой. Мистеру Хитклифу было около сорока. В этом возрасте мужчины редко тешат себя надеждой на брак с юной девой по любви: это заблуждение, скорее, характерно для тех, кто женится в более преклонном возрасте. Миссис Хитклиф нельзя было дать старше семнадцати лет.

И тут до меня дошло, что сидящий рядом со мной парень — эта неотесанная деревенщина, — с шумом хлебающий чай и ломающий хлеб немытыми руками, — возможно, ее муж, Хитклиф-младший. Вот печальные последствия того, что молодая девушка похоронила себя заживо в сельском захолустье. Она связала себя с этим невежей, даже не представляя, что есть люди и получше! Жаль, ужасно жаль! Увидев меня, она наверняка пожалела о своем выборе. Последняя мысль может показаться читателю немного самонадеянной, но мой сосед по столу казался почти отталкивающим, а сам я — вполне привлекательный джентльмен и знаю это по опыту.

— Миссис Хитклиф — моя невестка, — промолвил Хитклиф, подтверждая мою догадку. С этими словами он повернулся и бросил в сторону девушки взгляд, исполненный самой лютой ненависти. Только так можно было его истолковать, если считать лицо человеческое зеркалом души и не подозревать Хитклифа в том, что он способен обмануть законы природы.

— Ах, тогда понятно. Вы — счастливый обладатель этой доброй феи, — сказал я, обращаясь к своему соседу по столу.

Эта ошибка оказалась хуже прежней. Юнец побагровел и сжал кулаки с такой силой, как будто бы собирался дать им волю. Но он сдержал себя и ограничился грубым ругательством, брошенным явно в мой адрес, которое я предпочел не заметить.

— Не везет вам сегодня с догадками, — заметил мой хозяин. — Ни один из нас не может похвастаться счастьем обладания этой нежной феей. Супруг ее мертв. Я же сказал вам, что она — моя невестка. Нетрудно сообразить, что она вышла замуж за моего сына.

— А этот молодой человек...

— Он мне не сын, это уж точно. — Хитклиф вновь усмехнулся, словно говоря: «И кому это пришло в голову посчитать этого увальня моей плотью и кровью!»

— Меня зовут Гэртон Эрншо, — прорычал парень, — и советую вам уважать это имя!

— У меня и в мыслях не было выказать вам неуважение, — отвечал я, в глубине души потешаясь над тем, как он раздулся от гордости, назвав себя.

Он уставился на меня и не отводил взгляда, а я совершенно не собирался отвечать ему тем же, так как боялся, что не совладаю с собой и просто надеру ему уши как мальчишке или громко засмеюсь своим мыслям. Да, в этом милом семейном кругу места мне явно не находилось. Гнетущая атмосфера за столом почти свела на нет окружавшее меня

тепло жилища и радости трапезы. Я сказал себе, что в третий раз остерегусь оказаться под этим кровом.

Покончив с едой при полном молчании всех присутствующих, я подошел к окну посмотреть, что происходит на улице. Увиденное меня не обрадовало: стемнело раньше обычного, небо и холмы слились в единое целое и растворились в кружении мокрого снега.

— Боюсь, что без провожатого мне домой не добратся, — не смог удержаться я, — дороги наверняка замело. Даже если бы они были расчищены, пройти по ним в темноте никак невозможно.

— Гэртон, загони всех овец под навес у амбара. Животных засыплет снегом, если оставить их на ночь в овчарне. И не забудь выход им загородить, — распорядился Хитклиф.

— Что же мне делать? — бросил я с растущим раздражением.

Ответа я не дождался. Обернувшись, я увидел только Джозефа, который принес ведро овсянки собакам, и миссис Хитклиф, которая развлекалась тем, что зажигала одну за одной и роняла в камин спички из коробка, упавшего вниз, когда она ставила на место чайницу. Старый слуга, поставив ведро, критически оглядел комнату и неодобрительно проскрипел: «И как вы только можете пребывать в праздности, когда все на улицу пошли. От вас вовек помощи не дожидаться. Никогда не сойдете вы со стези греха, так и останетесь под водительством дьявола, как и ваша матушка».

Я было решил, что этот образчик злоязычного красноречия адресован мне, и в ярости подступил к старому негодяю с намерением выкинуть его за дверь, когда услышал голос миссис Хитклиф:

— Ах ты, старый, мерзкий лицемер! Неужели не боишься, что дьявол тебя утащит в ад, коль скоро ты его так часто упоминаешь. Предупреждаю, не дразни меня, а то я хорошенько

попрошу кое-кого с тобой покончить. Ну-ка, посмотри сюда, Джозеф, — продолжала она, схватив толстенный старый том с полки, — сейчас я тебе покажу, как сильно я продвинулась в искусстве черной магии. Скоро я смогу этот дом от вас от всех очистить. Рыжая корова умерла не случайно, а твой ревматизм тебе не Богом ниспослан.

— Ты грешница, великая грешница! — задохнулся от гнева старик. — Да избавит нас Господь от лукавого!

— А ты — нечестивец, и нет тебе спасения! Сгинь, а не то пожалеешь! Слеплю тебя из воска и глины, как всех вас. Один шаг против меня, и я тебя, я тебя... не скажу, что я с тобой сделаю, но, увидишь, это будет ужасно. Исчезни или придется тебя сглазить!

Юная ведьмочка подпустила в свой взгляд неприкрытой злобы, и Джозеф, трепеща от подлинного ужаса, тут же ретировался, бормоча молитвы и восклицая: «Грешница, великая грешница!» Я решил, что миссис Хитклиф таким оригинальным образом питает свое чувство юмора, и когда мы остались одни, решился привлечь ее внимание к моему бедственному положению.

— Миссис Хитклиф, — начал я искренне, — прошу простить меня за беспокойство, но я уверен, что леди вашей наружности просто обязана обладать добросердечием. Прошу вас указать мне те приметы, по которым я бы нашел дорогу домой. Я имею не большее представление о том, как добраться до дому, чем вы — как доехать до Лондона.

— Ступайте той дорогой, какой пришли, — отозвалась она, откидываясь в кресле и придвигая свечу, чтобы погрузиться в чтение своего фолианта. — Совет короткий, но самый разумный, какой я только могу дать.

— Значит, если вы узнаете, что мое мертвое тело найдут в болоте или в канаве, запорошенное снегом, ваша совесть не начнет вам нашептывать, что это ваша вина?

— А с чего бы моей совести волноваться? Я вашей провожатой быть не могу. Они не позволят мне дойти даже до стены вокруг сада.

— Боже! — воскликнул я. — Да я даже помыслить не могу не то что взять вас в провожатые, но и попросить выйти за порог в такую ночь. Я только прошу описать мне дорогу домой, а не показывать ее. В противном случае я буду настаивать, чтобы мистер Хитклиф отправил со мной кого-нибудь.

— А кого? Здесь живет только он сам, Эрншо, Зилла, Джозеф и я. Ну, и кто из нас пойдет с вами?

— А нет ли на ферме еще работников?

— Нет. Мы живем здесь одни.

— Ну, тогда получается, что я должен здесь остаться.

— Об этом поговорите с хозяином. Меня это не касается.

— Пусть это будет вам уроком, когда вы в другой раз задумаете шататься по холмам в такую погоду, — раздался суровый голос Хитклифа из кухни. — Насчет того, чтобы заночевать, — знайте, я не держу комнат для гостей. Вам придется разделить постель с Гэртоном или Джозефом, если пожелаете остаться.

— Я могу поспать в кресле здесь, в *зале*, — ответил я.

— Исключено! Посторонний человек — всегда чужак, будь он богат или беден. А чужакам здесь не место, когда меня нет на страже! — заявил этот грубиян.

Последнее оскорбление переполнило чашу моего терпения. С проклятьем я оттолкнул Хитклифа и выскочил во двор, проскочив мимо молодого Эрншо. Было так темно, что я не мог понять, где же выход. Пока я метался по двору, я услышал еще один обмен репликами, который как нельзя лучше показал странные отношения между обитателями этого дома. Вначале молодой человек как будто хотел помочь мне.

— Я дойду с ним до парка, — предложил он.

— Ты с ним дойдешь до ада со всеми чертями! — прорычал его хозяин, или кем он там Эрншо приходился. — А кто за лошаадьми присмотрит?

— Жизнь человека стоит дорого, а лошадей на одну ночь можно и без присмотра оставить, — вступилась за меня миссис Хитклиф с большей добротой, чем я ожидал. — Кто-то должен его проводить.

— Но не по вашему приказу! — тут же откликнулся Гэртон. — Ежели вы на него глаз положили, то лучше держитесь от него подальше.

— Ну, тогда его призрак будет вас преследовать до конца дней, — резко ответила она, — а мистер Хитклиф не сможет найти другого такого выгодного жильца, пока усадьба «Скворцы» не превратится в руины.

— Вы только послушайте, эта ведьма их проклинает, — пробормотал Джозеф, в сторону которого я, оказываюсь, шел.

Он сидел тут же и доил коров при свете фонаря. Я бесцеремонно схватил этот источник света и со словами, что я завтра пошлю фонарь обратно, бросился к ближайшей задней двери.

— Хозяин, хозяин, он фонарь украл! — завопил старик, кинувшись за мной в погоню. — Кусака, Волчок, ату его, ату! Держите вора, собачки!

Открылась маленькая дверца, и на меня вылетели два мохнатых чудовища, целясь мне прямо в горло. Свирепые псы опрокинули меня на землю. Фонарь погас. Грубый хохот Хитклифа и Гэртона оказался последней каплей в чаше моей ярости и унижения. К счастью, собаки ограничились тем, что стали валять меня по земле, завывая и маша хвостами, и не пытались сожрать живьем. Но подняться они мне не давали, поэтому мне пришлось ждать, пока их повелители не соизволят отозвать своих монстров. Я потерял шляпу и, дрожа от гнева, приказал сейчас же и без всякого промедления выпустить меня за пределы Грозового Перевала, бессвязно

грозя, подобно несчастному королю Лиру¹, обрушить на головы его обитателей неисчислимыя кары.

От сильного волнения у меня даже пошла носом кровь, Хитклиф продолжал хохотать, а я продолжал ругаться. Не знаю, чем бы все это закончилось, если бы поблизости не оказался человек более разумный, чем я, и более милосердный, чем мои мучители. Это была Зилла, дородная экономка, которая наконец-то появилась, привлеченная шумом, и поинтересовалась его причиной. Она явно решила, что кто-то применил ко мне грубую силу, поэтому, не решаясь прямо порицать своего хозяина, повела свою словесную атаку на молодого негодяя.

— Ну что, мистер Эрншо, довольны?! — воскликнула она. — Интересно, чего же еще от вас ждать?! Скоро начнете убивать людей прямо на пороге? Видно, в этом доме мне не ужиться. Посмотрите-ка на этого господина, он сейчас задохнется, так вы из него дух вышибли. Тихо, тихо! — продолжала она, обращаясь ко мне. — Никуда вы в таком виде не пойдете. Ну-ка, заходите внутрь, и я вам помогу. Вот так, хорошо, а теперь стойте спокойно.

С этими словами она внезапно окатила меня ледяной водой и буквально втянула меня в кухню. Хитклиф последовал за нами, причем неожиданная его веселость сменилась обычной хмуростью.

Мне стало нехорошо, закружилась голова и замутило, поэтому я был вынужден остаться на ночлег под этим негостеприимным кровом. Хитклиф распорядился, чтобы Зилла подала мне стакан бренди, и удалился во внутренние комнаты, а кухарка утешила меня, как могла, и, когда мне стало чуть получше, выполняя приказ хозяина, повела меня спать.

¹ Король Лир — персонаж одноименной пьесы Уильяма Шекспира, опубликованной в 1608 г. Король Лир в момент жестокого разочарования в своих старших дочерях, получивших за удачную лесть наследство, посылает им бессильные проклятья, обращаясь к буре.

Глава 3

Поднимаясь впереди меня по лестнице, Зилла попросила не светить открыто и не шуметь. Она объяснила это тем, что ее хозяин по доброй воле никогда никому не разрешал ночевать в той комнате, куда она меня ведет, и вообще относится к этому помещению как-то по-особому. Я спросил ее о причинах, но она не знала и никогда не спрашивала, потому что жила в этом доме только последние два года, а странностей в нем всегда хватало.

Слишком уставший, чтобы чему-либо изумляться, я запер за собой дверь и оглядел комнату в поисках кровати. Вся обстановка состояла из кресла, бельевого комода и огромного дубового сундука с квадратными прорезями в верхней части, которые напоминали окна кареты. При ближайшем рассмотрении это сооружение оказалось старинной кроватью с неким альковом, позволявшим каждому члену семьи в те далекие времена насладиться уединением во время отхода ко сну и в момент пробуждения. Этот альков был воздвигнут вплотную к окну, подоконник которого служил прикроватным столиком. Я отодвинул створки, закрывавшие вход в альков, забрался внутрь со свечой, прикрыл створки и почувствовал себя защищенным от слишком пристального внимания Хитклифа или любого другого.

На подоконнике, куда я поставил свечу, оказалось несколько заплесневелых книг, сложенных стопкой, а вся крашеная поверхность была испещрена надписями. Оказалось, что надписи эти повторялись и содержали одно только имя большими и маленькими буквами, но в разных вариантах — «Кэтрин ЭРНШО» сменялось здесь и там «Кэтрин ХИТКЛИФ», а затем «Кэтрин ЛИНТОН».

С какой-то странной апатией я прижался лбом к оконному стеклу и как замороженный смотрел на меняющееся имя:

Кэтрин Эрншо — Хитклиф — Линтон, пока веки мои не смежились. Но я не проспал и пяти минут, когда на меня из мрака надвинулся вихрь белых букв — вокруг меня кружились бесчисленные Кэтрин. Я проснулся, чтобы сбросить с себя морок привязчивого имени, и обнаружил, что от свечного огарка загорелась одна из старинных книг, а воздух наполнился запахом жженой телячьей кожи. Я потушил свечу и, страдая от холода и непрекращающейся тошноты, сел в постели и раскрыл на коленях пострадавший том. Это оказалась Библия, напечатанная старомодным узким шрифтом, от которой шел ужасный запах плесени. На титульном листе мне удалось различить надпись — «Из книг Кэтрин Эрншо» и дату — примерно четверть столетия тому назад. Я закрыл ее и принялся рассматривать другие тома один за другим. Подбор книг в библиотеке Кэтрин не был случайным, все они были зачитаны, и не только — все свободные места, которые оставил печатник, были исписаны карандашом и пером. Кое-где это были отдельные предложения, а где-то текст казался фрагментами дневника, написанного несформировавшимся детским почерком. В верхней части пустой страницы, которая, должно быть, показала принадлежность книг настоящим сокровищем, я с интересом рассмотрел отличную и совершенно беспощадную карикатуру на моего приятеля Джозефа. Во мне тут же проснулся неподдельный интерес к незнакомой мне Кэтрин, и я принялся расшифровывать выцветшие заметки, сделанные ее нетвердым почерком.

«Ужасное воскресенье! — так начинался следующий абзац. — Хочу, чтобы мой отец снова был со мной. Хиндли — плохая ему замена. Его отношение к Хитклифу отвратительно. Х. и я собираемся взбунтоваться — уже сегодня вечером мы сделали первый шаг на этом пути.

Весь день лил дождь. Мы не могли пойти в церковь, поэтому Джозеф решил прочитать нам проповедь на чердаке.

Хиндли с женой остались внизу греться у жарко натопленного очага, и, готова поручиться, в тот вечер они не прочитали ни строчки из Библии. Мне, Хитклифу и несчастному мальчишке-работнику приказано было взять молитвенники и подняться на чердак. Здесь мы, дрожа от холода, со стонами и вздохами уселись рядом на мешок с зерном, ожидая и надеясь, что Джозеф тоже не останется нечувствительным к стуже и хоть немного, да сократит свою проповедь. Тщетные надежды! Служба продолжалась добрых три часа, а мой брат имел наглость воскликнуть: «Как, вы уже закончили?», когда мы спустились с чердака. Раньше воскресными вечерами нам разрешали играть, если мы не шумели, а сейчас любого смешка достаточно, чтобы поставить нас в наказание по углам.

— Вы забыли, кто здесь хозяин! — заявил наш тиран. — Я в порошок сотру любого, кто мне хоть слово поперек скажет! Я требую, чтобы в доме было тихо и чтобы дети вели себя прилично! Так, мальчик, ты что, не понял, что я сказал? Фрэнсис, дорогая, а ну-ка задай ему трепку, раз уж ты идешь мимо. Я услышал, как этот маленький негодник хрустел пальцами.

Фрэнсис с радостью выполнила повеление своего супруга, а затем уселась к нему на колени, а потом они целый час целовались и миловались как дети малые, даже смотреть на них неловко было. Мы постарались избежать их внимания, схоронившись в закутке под комодом. Я только успела связать вместе наши передники и повесить ими наше убежище, как из конюшни явился Джозеф. Он сорвал «занавеску», вlepил мне пощечину и прокаркал: «Хозяина нашего только-только похоронили, день субботний не прошел, слово Божие еще в ушах ваших, а вы тут забавляетесь! Стыд и срам! За стол садитесь, гадкие дети, и почитайте-ка хорошие, благочестивые книжки, чтобы души ваши грешные спаслись!»

С этими словами он заставил нас сесть как можно дальше от живительного тепла очага, туда, где нам едва-едва хвата-

ло света, чтобы различать буквы скучнейших книжек, которые он нам всучил. Надолго меня не хватило — я очень скоро зашвырнула свой мерзкий томик за собачью лежанку, а Хитклиф пинком отправил туда же навязанную ему мерзкую книжонку. Что тут началось!

— Хозяин! — завопил наш доморощенный проповедник. — Хозяин, идите скорей сюда! Мисс Кэтрин оторвала обложку от «Оплота спасения», а Хитклиф осмелился своей подошвой осквернить часть первую «Врат погибели нашей». Нельзя им это спускать, хозяин, а то и до греха недалеко. Папаша ваш, царствие ему небесное, умел ребятам жару задать, но нет его с нами!

Хиндли поторопился покинуть свой личный рай у очага и, грубо ухватив Хитклифа за воротник, а меня за руку, буквально вышвырнул нас на кухню. Джозеф постарался нас уверить, что «черт за нами, как пить дать, явится». На кухне каждый из нас забился в свой укромный уголок и принялся ждать его пришествия. Я нашла эту книгу, достала чернильницу с полки и последние минут двадцать пишу эти строки, приоткрыв дверь в залу, чтобы иметь хоть чуть-чуть света. Впрочем, вряд ли я продолжу свое занятие, так как друг мой совсем потерял терпение и подбивает меня забрать плащ нашей доярки и под его покровом отправиться бродить на пустошь. Пожалуй, стоит принять его предложение. Даже если Джозеф нас хватится, он решит, что его пророчество сбылось, а мы даже в дождь не сможем промокнуть и замерзнуть больше, чем здесь, на холодной кухне».

Думаю, Кэтрин осуществила свой замысел, так как следующая запись уже о другом — похоже, девочку довели до слез.

«Никогда не думала, что Хиндли заставит меня так сильно плакать! — написала она. — Голова моя от слез раскалывает».

ся так, что не могу оторвать ее от подушки. Но я не сдамся! Бедный, бедный Хитклиф! Хиндли назвал его бродягой без роду-племени и запретил не только есть с нами за одним столом, но и сидеть с нами рядом. Мне запрещено с ним играть, а если мы нарушим приказ, брат грозитя вышвырнуть его из дому. Хиндли обвиняет папу (да как он смеет!) в том, что он избаловал Хитклифа, и обещает «поставить парня на место».

Я начал задремывать над полустершейся страницей, взгляд перебежал с рукописного текста на печатный. Я увидел выделенный красным цветом заголовок — «Семьдесят семь и первый из семьдесят первых. Благочестивые рассуждения Джейбза Брандерхэма в церкви Гиммерден-на-Болотах». И пока я в полудреме ломал голову над тем, что же преподобный Джейбз Брандерхэм хотел сказать в столь затейливо именуемом сочинении, я не заметил, как поудобнее улегся в постели и уснул. Увы, отвратительный чай и отвратительное настроение дали себя знать! Только этим можно объяснить то, что я провел одну из самых ужасных ночей в своей жизни. Воистину, никогда раньше мне не пришлось так страдать.

Похоже, я начал видеть сон еще до того, как утратил представление о том, где я нахожусь. Но в моем сне уже наступило утро, и я отправился домой, сопровождаемый Джозефом. Дорогу полностью засыпал глубокий снег. Пока мы медленно продвигались вперед, мой попутчик изводил меня упреками по поводу какого-то посоха. Я было подумал, что местный обычай требовал перед выходом из дома выпить «на посошок», но когда Джозеф начал хвастливо размахивать тяжелой дубинкой, я понял, что речь идет о «посохе пилигрима». «Все же это странно, — подумалось мне, — неужели мне понадобится столь весомый аргумент, чтобы попасть

в собственный дом?» Но тут до меня дошло, что мы идем не домой, а на проповедь Джейбза Брандерхэма. Более того, кто-то из нас — либо я, либо Джозеф — совершил тот самый страшный первый из семьдесят первых грехов и будет публично подвергнут поруганию и отлучению.

Мы подошли к церкви. Наяву я действительно пару раз проходил мимо нее. Она стоит в лощине между двумя холмами и возвышается над верховым болотом, чья торфяная вода, по слухам, бальзамирует тела тех немногих мертвецов, которые покоятся на церковном погосте. Пока что крыша у церкви цела, но поскольку жалование приходского священника — всего лишь двадцать фунтов *per annum*¹ да домик из двух комнат, такой старьёй, что в любую минуту может превратиться в однокомнатный, желающих заступить на этот пост нет, особенно в наши дни, когда немногочисленная паства готова скорее смотреть, как их пастырь голодает, чем увеличить его вспомоществование хотя бы на пенни из своих собственных карманов. Однако же в моем сне преподобный Джейбз вещал в заполненной до отказа прихожанами церкви при всем внимании присутствующих. Боже, что это была за проповедь! Она была разделена на *четыреста девяносто* частей, каждая из которых по длине равнялась обычному обращению с амвона и была посвящена одному определенному греху! Где преподобный нашел столько прегрешений, для меня осталось тайной, равно как и то, как он их толковал и что приписывал братьям своим. Получалось, что каждый человек постоянно грешит, да так странно, что я никогда и представить себе не мог столь причудливые провинности.

Меня измучила смертельная скука — я боролся со сном всеми силами, зевал, ерзал, клевал носом и внезапно просыпался! Я щипал и тыкал себя, чтобы не заснуть, тер глаза,

¹ Ежегодно (*лат.*).

вставал и садился, приставал к Джозефу с вопросами, когда же преподобный закончит свои обличения. Я был осужден выслушать всю проповедь целиком — все четыреста девяносто частей, — когда Джейбз дошел до ПЕРВОГО ИЗ СЕМЬДЕСЯТ ПЕРВЫХ грехов. В этот момент на меня снизошло вдохновение — захотелось встать и объявить преподобного впавшим в такой грех, за который ни одному христианину никогда не будет даровано прощения.

«Сэр! — воскликнул я. — Сидя здесь, в этих четырех стенах, я единым духом пережил и простил четыреста девяносто прегрешений, ставших темой вашей затянувшейся проповеди. Семьдесят раз по семь я хватался за шляпу и уже был готов уйти, — и семьдесят раз по семь вы самым невероятным образом заставляли меня сесть на место. Но четыреста девяносто — это уже слишком. Слушайте же меня, товарищи по несчастью! Это он во всем виноват! Стащите его с кафедры, обратите его в прах, чтобы там, где был он известен, о нем позабыли, как если бы его никогда и не было».

— ТЫ И ЕСТЬ САМЫЙ ВЕЛИКИЙ ГРЕШНИК! — возгласил Джейбз, выдержав торжественную паузу и перегнувшись вперед с амвона. — Семьдесят раз по семь отверзал ты рот свой в мерзкой зевоте, и семьдесят раз по семь прощал я тебя, говоря себе: «Прости его, Господи, ибо подвержен он слабости человеческой!» Но вот явился первый из семидесяти первых. Братья мои, вершите над ним ваш праведный суд по всей строгости, и да пребудет с вами благословенье Божие!

После этих слов все члены паствы, как один человек, схватились за посохи и стеной пошли на меня. Не имея собственного оружия для защиты, я попытался обезоружить Джозефа, ближайшего ко мне и самого заклятого моего гонителя, чтобы завладеть его посохом. В общей неразберихе несколько дубинок скрестились, а удары, предназначенные мне, пали на другие головы. Тотчас же вся церковь напол-

нилась невообразимым треском дерева — кто-то бил, кто-то парировал удары, каждый ополчился на соседа своего, а преподобный Брандехэм, не желая оставаться в стороне, излил свой пыл в методичном стуке по крышке кафедры, да таком гулком, что он в конце концов — к моему несказанному облегчению — разбудил меня. Так что же произвело столь невыразимый грохот? Что стучало наяву вместо преподобного Джейбза моего сна? Оказалось, что это всего лишь разлапистая ветвь ели, которая скребла по оконному переплету и стучала своими сухими высохшими ветвями-пальцами по стеклу. Я прислушивался с недоверием к этому звуку всего мгновение, а затем повернулся на другой бок и вновь забылся, но на этот раз мне приснился еще более ужасный сон, если только такое возможно представить!

Теперь я лежал под дубовым альковом, а за окном завывал ветер, крутя и бросая снежные вихри. Я вновь услышал, как ветвь ели скребет в стекло, и во сне, как и наяву, правильно понял причину этого неприятного звука. Однако в этот раз он настолько сильно действовал мне на нервы, что я решил встать и открыть окно. Крючок плотно вошел в скобу и не поддавался — это я заметил, еще когда бодрствовал, но потом забыл. «Я все равно должен прекратить этот скрип!» — подумалось мне. Я так сильно стукнул костяшками пальцев по стеклу, что оно осыпалось. Я вытянул руку наружу, чтобы схватить докучливую ветвь, но вместо нее пальцы мои сомкнулись вокруг маленькой, холодной как лед ручки! Дикий ужас кошмара объял меня. Я попытался втянуть свою руку обратно, но призрачные пальцы впились в нее, а нежный жалобный голос произнес с мольбой: «Впустите меня, впустите меня». «Кто вы?» — спросил я, пытаюсь одновременно освободиться от страшного пожатия. «Кэтрин Линтон, — прошелестел голос (и почему только мне пришла на ум фамилия ЛИНТОН? Ведь гораздо чаще мне встречалась надпись

Кэтрин ЭРНШО!) — Мне нужно вернуться домой! Я заблудилась на болоте...» Как только прозвучали эти слова, я увидел в окне детское лицо. Страх сделал меня жестоким, и я, не в силах стряхнуть захват призрачных пальцев, потянул на себя всю руку и попытался освободиться, резанув запястье призрака о край разбитого оконного стекла. Кровь хлынула потоком и залила простыни на кровати. «Впусти меня!» — несмотря ни на что стонал призрак, не ослабляя хватки и повергая меня этим в полный ужас. «Как же мне впустить тебя? — промолвил я наконец. — Сначала *ты* отпусти меня, если хочешь, чтобы я открыл окно». Пальцы разжались, я втянул свою руку внутрь, торопливо завалил разбитое окно стопкой старинных фолиантов, а затем зажал уши, чтобы не слышать более жалобных просьб привидения. Мне показалось, что примерно на четверть часа я смог заглушить их, но как только я прислушался, то вновь услышал полный печали стон. «Сгинь! — вскричал я. — Я никогда не впущу тебя, проси хоть двадцать лет». «А я и прошу уже двадцать лет, — прошелестел голос. — Целых двадцать лет не могу попасть домой». Оконная рама затряслась, стопка книг подвинулась и наклонилась, как будто кто-то толкал ее снаружи. Я попытался встать на ноги, но не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. И тогда я закричал в приступе неистового страха. К смятению моему, крик мой прозвучал не во сне, а наяву. К двери комнаты приблизились торопливые шаги, кто-то бесцеремонно распахнул дверь, и я увидел свет в окнах алькова. Я сидел в постели, сотрясаясь от дрожи и отирая пот со лба. Вошедший, казалось, заколебался и начал что-то бормотать, как будто говорил сам с собой. Наконец я услышал тихий вопрос, произнесенный почти шепотом, как будто бы говоривший особо не надеялся на ответ: «Есть здесь кто-нибудь?» Я почел за благо обнаружить свое присутствие, потому что узнал голос Хитклифа и испугался, что он может начать обыскивать ком-

Літературно-художнє видання

БРОНТЕ Емілі
Буремний Перевал

Роман

(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 30.10.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 21,84.
Наклад 5000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля». Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

БРОНТЕ Эмили
Грозовой Перевал

Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 30.10.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 5000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга». Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНІСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

«Буремный Перевал» перебуває в списку «200 кращих книжок за версією ВВС». Головна романтична книжка всіх часів, що стала еталоном англійської класичної літератури і завойовала любов мільярдів читачів по всьому світі. Роман був неодноразово екранізований.

Легендарна оповідь про всепереможну силу кохання, над яким не владні ні старість, ні забуття. Власне, як і над безсмертним шедевром Емілі Бронте.

Бронте Э.

Б88 Грозовой Перевал : роман / Эмили Бронте ; пер. с англ. Н. Роговой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 416 с.

ISBN 978-617-12-7098-5

«Грозовой Перевал» находится в списке «200 лучших книг по версии ВВС». Главная романтическая книга всех времен, ставшая эталоном английской классической литературы и завоевавшая любовь миллиардов читателей по всему миру. Роман был неоднократно экранизирован.

Легендарная история о всепобеждающей силе любви, над которой не властны ни старость, ни забвение. Впрочем, как и над бессмертным шедевром Эмили Бронте.

УДК 821.111